

**ОПЫТ «ЧУЖОГО» В РЕСПОНЗИВНОЙ
ФЕНОМЕНОЛОГИИ Б.ВАЛЬДЕНФЕЛЬСА**

В статье рассмотрена концепция опыта «чужого» в респонзивной феноменологии Б.Вальденфельса. В феноменологии можно выделить несколько значимых дескрипций опыта «чужого» (Э.Гуссерль, Ж.-П.Сартр, Э.Левинас), среди которых концепция Вальденфельса занимает особое место. Предмет интереса Вальденфельса не существование Другого, что характерно для предыдущей феноменологической традиции, а феномен «чужого» как таковой.

Феноменологическая теория опыта «чужого» всегда отсылает к проблеме существования Другого. В опыте «чужого», как об этом говорил еще Гуссерль, Другой удостоверяет свое существование. Вместе с тем, только встретив Другого, можно узнать, что есть «чужое». Далее, опыт «чужого» раскрывает социальное измерение опыта. Содержанием опыта «чужого» могут быть различные стратегии признания Другого – от подчинения Другого до самоограничения «себя» в пользу Другого (Ж.-П.Сартр, Э.Левинас). Несомненно, что в феноменологической традиции опыт «чужого» фундирует теорию существования Другого, но в то же время это значит, что теория опыта «чужого» в феноменологии в определенной мере всегда имела «служебный» характер. При этом опыт «чужого» как таковой в феноменологии не проблематизировался. Было ясно, что опыт «чужого» – это особый опыт со специфическим типом интенциональности, который еще Гуссерль обозначил как апрезентация, или «опосредованная интенциональность», но что такое опыт «чужого» как «чужого» и что есть феномен «чужого», – так вопрос не ставился.

Самостоятельную ценность опыт «чужого» получил в респонзивной феноменологии Бернхарда Вальденфельса. Вальденфельс интересуется феномен «чужого», который он полагает особым феноменом. Специфика феномена «чужого» проявляется уже в том, что, по мнению Вальденфельса, для него требуется особый вид рациональности, отличный от интенциональной. Вальденфельс считает нужным в феноменологии дополнить интенциональную рациональность респонзивной [1. С.123]. Сам термин «респонзивность» отсылает нас к ла-

* © Пахолова И.В., 2008

Пахолова Ирина Викторовна – кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

тинскому **responsio** — ответ, которое в английском и немецком языках преобразуется в **response** — ответ, отклик, отзыв.

Вообще, стремление переосмыслить интенциональность для феноменологии не новость. Здесь можно вспомнить «телесную» интенциональность М.Мерло-Понти, «интенциональность поиска» в феномене ласки Левинаса. Такое расширенное толкование интенциональности свидетельствует о расширении самого предметного поля феноменологии. Интенциональность в постгуссерлевской феноменологии рассматривается не просто как сущностная структура сознания, но и, к примеру, как основная характеристика действия, определяющая его цель и мотивы [5. С.445-448]. В целом можно сказать, что с тех пор, как существование Другого стало темой феноменологии, понятие интенциональности не могло оставаться прежним. Тем не менее, респонзивность, которую вводит Вальденфельс, отличается от предыдущих попыток пересмотра интенциональности уже хотя бы тем, что является не новым вариантом интенциональности, а новым видом рациональности, располагающимся рядом с интенциональной рациональностью.

Почему Вальденфельс не счел возможным говорить об опыте «чужого» в терминах интенциональности? По его мнению, интенциональный опыт «чужого» не сохраняет пространство «чужого» как «чужого» [1. С.128]. Чтобы понять это утверждение Вальденфельса, нужно посмотреть, что такое феномен «чужого» в представлении немецкого феноменолога.

Для начала Вальденфельс обращается к семантике «чужого» в европейских языках, чтобы определить «область “чужого”». Он выделяет по крайней мере три аспекта значения слова «чужой» (нем. fremd — чужой, чуждый): 1) «то, что лежит за пределами сферы собственного (ср.: externum, foreign, etrange)»; 2) «то, что принадлежит другим (ср.: alienum, alien)»; 3) «то, что является чем-то иным, необычным, гетерогенным (ср.: strange, etrange)» [1. С.125]. Определяющим для понимания феномена «чужого» Вальденфельс считает не аспект владения или способа бытия «чужого», а обстоятельство «места» «чужого». Иначе говоря, «чужой» — это то, что лежит за пределами сферы собственного, т.е. всегда «находится где-то в другом месте» [1. С.125]. Что это значит?

Вальденфельс в своем выборе значения «чужого» опирается на определение Гуссерля сущности «чужого», которая состоит в «подтверждаемой доступности оригинально недоступного» [1. С.126]. При этом Вальденфельс указывает на то, что «чужое» нельзя понимать как некий недостаток чего-либо, который мы можем восполнить. К примеру, «чужого» нельзя представить себе в качестве чего-то нам пока еще незнакомого, неизвестного, о чем мы можем пополнить свои знания впоследствии. Чуждость как таковая для Вальденфельса характеризуется принципиальным отсутствием и недоступностью подобно тому,

— и здесь он также следует Гуссерлю, — как с нашим прошлым мы может иметь дело только в воспоминании [1, С.127]. Далее, Вальденфельс уточняет, что «где-то в другом месте» «чужого» не стоит понимать так, как будто «чужое» «здесь» и «сейчас» находится в каком-то другом месте. «Чужое» — это не то, что *находится* «где-то в другом месте», а *определяется* как «где-то в другом месте». Вальденфельс поясняет это на примере Платона, который описывает Сократа как а-топос (греч. *topos* — место), т.е. как странного и не имеющего места. «Чуждость означает», — пишет Вальденфельс, — «что нечто или некто никогда полностью не находятся на своем месте» [1. С.127].

Ситуацию а-топии Вальденфельс усматривает во внутрисубъективной чуждости — за «чужим» никуда ходить не надо, поскольку чуждость свойственна нам самим. Современное гуманитарное знание говорит нам о том, что субъект — это тот, кто, выступая от «первого» лица, выступает от «третьего» лица [1. С.127]. К примеру, в своей книге «Чужие самим себе» (*Etrangers a nous-memes.*) Юлия Кристева пишет о том, что сегодня человек испытывает на себе различные эффекты отчуждения — от внешних, когда становится иностранцем, иммигрантом, до внутренних, когда переживает разорванность своего Я, чуждость самому себе [4].

Таким образом, «чужое» для Вальденфельса есть то, что не находится на своем месте, всегда «где-то в другом месте». Отсюда феномен «чужого» — это особый феномен, как отмечает Вальденфельс, гиперфеномен, «который демонстрирует себя только тогда, когда уклоняется от схватывания» [1. С.127]. Что это значит? Вальденфельс говорит о том, что «чужое» показывает себя особым образом — является *собой* в показывании себя, но не растворяется в том, *что* себя показывает. Поэтому опыт «чужого» всегда есть «*опыт непреодолимого отсутствия*» [2. С.128. Курсив Вальденфельса. — *И.П.*]. Если это так, то как возможно говорить об этом опыте?

Это не простой вопрос. Очевидно, что условия опыта «чужого» и логос этого опыта совпадают. Исходя из этого Вальденфельс испытывает интенциональность на способность быть условием и логосом опыта «чужого» и приходит к выводу, что интенциональность не годится на эту роль. Вальденфельс объясняет это тем, что интенциональная рациональность нарушает пространство «чужого» как «чужого», поскольку «обозначает, что *нечто* (*etwas*) полагается *как нечто* (*als etwas*) и понимается *в направлении чего-то* и в такой форме в определенном смысле схватывается и принимается во внимание» [1. С.128. Курсив Вальденфельса. — *И.П.*]. Это значит, что «чужое» уже изначально предпонимается и становится частью смыслового целого. Понимание есть некоторая «форма присвоения», потому что, по словам Вальденфельса, «создает впечатление, что чужое или, как его называют с пристрастием, другое может быть выражено в подлинном понимании как оно само есть» [1. С.128]. Поэтому не случайно в теории опыта «чужого»

Гуссерля сам опыт «чужого» в итоге предстает как превращенный опыт самого себя [2. С.81]. Таким образом, по мысли Вальденфельса, интенциональность улавливает «чужого» в его присутствии и делает невозможным его отсутствие.

Далее, Вальденфельс указывает на те возможности логоса опыта «чужого», которые можно обнаружить у Гуссерля. В частности, он обращается к учению Гуссерля о раздражении (*Affektion*), где обнаруживает аспект респонзивности. Почему раздражение можно определить как проявление респонзивности, какой момент здесь важен для Вальденфельса? Вальденфельс привлекает то, что в раздражении восприятие «чужого» не имеет общего смысла с самовосприятием. Другими словами, в данном случае восприятие «чужого» не относится к моему восприятию «себя», т.е. структура отношения здесь отсутствует. Боль, которую «я» испытываю, не имеет для «меня» никакого значения, «я» ее претерпеваю как то, что ко «мне» не относится, а просто является для «меня» внешней помехой. Раздражение у Гуссерля, замечает Вальденфельс, есть причинение, атака, отклик, призыв, которые, в отсутствие структуры отношения, не имеют смысла. Для Вальденфельса это принципиальный момент, поскольку здесь он видит начало респонзивной феноменологии [1. С.130-131].

Где же, по мнению Вальденфельса, логос опыта «чужого» может найти свой шанс? Вальденфельс делает очень интересный ход, который можно понять следующим образом: чтобы «очистить» пространство для «чужого», нужно отказаться от очевидной в данном случае структуры отношения «свое»-«чужое». Пока мы будем рассматривать «чужое» в структуре «свое»-«чужое», мы всегда будем возвращаться к опыту «чужого» как превращенному опыту «своего». Поэтому Вальденфельс предлагает иную структуру отношения — «притязание»-«ответ».

Какие возможности для логоса «чужого» открываются в структуре «притязание»-«ответ»? Вальденфельс полагает, что «в ответе на чужую претензию (*auf einen fremden Anspruch*), которая не только не имеет смысла, но и не следует правилу, [...] прерывает общепринятые смысло- и правилообразования и пускает в ход новое» [1. С.131. Курсив Вальденфельса. — *И.П.*]. Здесь стоит обратить внимание на два очень важных момента. Во-первых, почему «чужая» претензия не имеет смысла и не следует правилу? Это утверждение можно понять только за рамками отношения «свое»-«чужое». Действительно, когда «чужая» претензия не отсылает к «своему», то она для «меня» не имеет смысла, поскольку отсутствует структура предпонимания. Во-вторых, из-за отсутствия структуры предпонимания в «ответе», как считает Вальденфельс, создаются новые смыслы и правилообразования. Только при этих условиях можно сказать, что мы имеем дело с опытом «чужого» как «чужого».

В структуре «притязание»-«ответ», по мысли Вальденфельса, то «*что я отвечаю, обязано своим смыслом тому, на что я отвечаю*» [1. С.131. Курсив Вальденфельса. — *И.П.*]. Это значит, что отношение «притязание»-«ответ» с необходимостью содержит в себе *респонзивное различие*. Респонзивное различие проявляется в том, что претензия и ответ не сходятся в чем-то общем, не составляют общий порядок смысла. Отношение «притязание»-«ответ» начинается, по словам Вальденфельса, «*по ту сторону смысла и правил*, там, откуда нечто нас вызывает и ставит под вопрос наши собственные возможности еще до того, как мы обращаемся к волею знания и понимания» [1. С.131. Курсив Вальденфельса. — *И.П.*].

Далее, Вальденфельс рассматривает две стороны отношения «притязание»-«ответ». В притязании «чужое» обнаруживается в активной форме. Вальденфельс замечает, что в притязании «чужого» можно усмотреть две формы, которые тесно переплетаются: во-первых, это призыв, который «*направлен к кому-то*», во-вторых, это претензия, «*которая распространяется на нечто*» [1. С.132. Курсив Вальденфельса. — *И.П.*]. Что это значит? Это значит, что претензия, обращенная на нечто, что имеет отношение ко «мне», есть уже призыв ко «мне». Поэтому момент «ответа» «начинается не в речи о чем-то», отмечает Вальденфельс, а «*видением и вслушиванием*». Иначе говоря, мы уже отвечаем, когда обернулись на чей-то внезапный оклик.

Вальденфельс здесь видит ситуацию, из которой зарождается этическое отношение («я» отвечаю на чей-то призыв), которое в то же время уклоняется от общих моральных оценок. «Чужое» притязание — это не притязание судебно-правовой системы, «я» могу не отвечать на притязание, могу проигнорировать призыв, отказаться видеть и слышать, потому что кто-либо не вправе от «меня» что-то требовать. К примеру, большинство немцев в нацистской Германии не участвовало в Холокосте, за это деяние они не несут ответственности, никто не вправе призвать их к судебной ответственности. Но, говорит Вальденфельс, немцы в свое время были призваны к ответу и многие уклонились от него, ведь чтобы уйти от ответа, достаточно отвести глаза, не смотреть, не отвечать взглядом [3. С.168-169].

Поэтому ситуация «притязания» и «ответа», по замечанию Вальденфельса, находится в точке «*по ту сторону добра и зла, по ту сторону справедливости и несправедливости*» [1. С.132. Курсив Вальденфельса. — *И.П.*]. Вместе с тем именно в ситуации «притязания» «чужого» мы сталкиваемся с неизбежностью «ответа», тогда как ответственности (Вальденфельс поясняет, что в немецком языке ответственность имеет юридически-правовой смысл) можно избежать. Само уклонение от ответа предполагает ответ. Чтобы отказаться что-либо видеть и слышать, нужно сначала ответить, т.е. увидеть и услышать [1. С.132-133].

Двойственности «притязания», которое есть одновременно претензия и призыв, соответствует двойственность «ответа». Вальденфельс выделяет два вида «ответа»: 1) ответ-answer, т.е. ответ на претензию; 2) ответ-response — ответ на призыв, обращенный ко «мне» [1. С.133]. Ответ на претензию есть ответ, восполняющий пробелы вопроса. «Ответ» на призыв есть «ответ» совсем другого свойства. «Ответ» на призыв Другого ко «мне», по мысли Вальденфельса, дает то, чего сам не имеет. Таким образом, «ответ» существует на уровне содержания (answer) и события (response) [1. С.133-134].

Далее, Вальденфельс рассматривает моменты логики «ответа»-события исходя из респонзивной рациональности. Первый такой момент «ответа» — *сингулярность*. Сингулярность есть знак уникальной событийности «ответа», которая ставит «ответ» в ранг таких событий в истории человека и целых народов, «которые не забываются», так как они вводят новый символический порядок, утверждают смысл, открывают историю, призывают к ответу, порождают обязательства» [1. С.135]. Вальденфельс говорит о таких событиях, которые сбываясь, порождают новые модели образования значений. К примеру, Французская революция для Европы была не рядовым событием, поскольку в результате возник новый символический порядок буржуазного общества (вспомним, что в терминологии Французской революции свергнутый режим называли «старый порядок»).

Второй момент логики «ответа» — *неизбежность*. Неизбежность «ответа», предупреждает нас Вальденфельс, не стоит понимать как должествование в духе практической философии. «Ответ» на притязание неизбежен в силу непреодолимости «нашего социально-мирового существования (Existenz)» [1. С.136]. Это значит, что уклониться от ответа для «меня» нет никакой возможности, считает Вальденфельс, поскольку, даже избегая ответа, «я» уже отвечаю. Неизбежность «ответа» на «чужое» притязание сопоставима с такими «традиционными инстанциями», как стремление к счастью, стремление к самосохранению, категорическим императивом, свободой. Природа нашего «социально-мирового существования» такова, что мы всегда уже находимся в определенной структуре «речения и говорения», которая косвенно проявляется в нашем деянии или отказе от деяния. Вальденфельс предлагает вспомнить Канта, согласно которому «не от нашей прихоти зависит, послушны мы или нет моральному закону» [1. С.136].

Следующий момент событийного «ответа» — недостижимый *постфактум*. Постфактум «ответа» есть знак того, что между «притязанием» и ответом» всегда есть временной сдвиг. Иначе говоря, процесс «ответа» «протекает здесь и теперь, но он начинается где-то в другом месте» [1. С.137]. Вальденфельс отсылает нас к понятию *differance* (различание) у Деррида, где процесс смыслообразования определяется временным сдвигом, в котором навсегда утрачивается связь между означаемым и означающим. Эту связь можно обнаружить только

косвенно как «след», как непреодолимое отсутствие. Постфактум «ответа» можно понять также на примере травмы в психоанализе, когда вытесняется причина, и мы имеем дело только с последствиями. В целом, заключает Вальденфельс, утверждение порядка «выступает событием, не являющимся частью того порядка, которое оно делает возможным» [1. С.137].

Наконец, еще один момент логики «ответа» — неустраняемая *асимметрия*. С понятием асимметрии мы уже сталкивались, когда рассматривали структуру этического отношения у Левинаса. Вальденфельс здесь следует за Левинасом. Асимметрия указывает на то, что в респонзивном отношении «притязание»-«ответ» мы сталкиваемся не с традиционным диалогом, где стороны исходят из общих целей и правил, а с таким диалогом, в котором участники «не сходятся в чем-то общем» [1. С.138]. Отношение «притязание»-«ответ» *принципиально* исключает взаимный обмен, здесь нет «входящих» и «исходящих» сообщений. «Притязание» и «ответ» попадают в общий порядок только в присутствии «третьего», т.е. судебно-правовой системы, закона, справедливости. Но это уже выводит нас за пределы опыта «чужого» как «чужого», поскольку суд происходит «здесь» и «сейчас», а «чужое» всегда берет свое начало в «когда-нибудь» и «где-то там» [1. С.138].

Далее, Вальденфельс считает нужным сделать различие между *репродуктивным* и *продуктивным* ответом. Репродуктивный ответ имеет место там, где событие «ответа» так и не состоялось. Поэтому репродуктивный ответ имеет смысл и выстраивается по правилам, благодаря тому, что уже высказаны все смыслы и установлены все правила. Отношение «притязание»-«ответ» в этом случае становится формальным отношением, поскольку, отмечает Вальденфельс, тому, кто притязает на готовый ответ, нечего сказать, потому что «все уже сказано», а тому, кто уклоняется от ответа, тоже «нечего сказать, так как ему нечего ответить» [1. С.139. Курсив Вальденфельса. — И.П.].

Продуктивный «ответ» есть знак состоявшейся претензии «чужого», ведь, как замечает Вальденфельс, претензия «становится таковой впервые *в ответе*, который ее вызывает и которой он неизбежно предшествует». Иначе говоря, факт притязания раскрывается нам *после* «ответа», тогда мы можем сказать, что «нечто было». В случае продуктивного «ответа» отношение «притязание»-«ответ» становится событийным отношением, поскольку, поясняет Вальденфельс, мы изобретаем то, «*что* мы отвечаем, но не то, *на что* мы отвечаем» [1. С.139. Курсив Вальденфельса. — И.П.].

Теория опыта «чужого» Вальденфельса отличается от аналогичных феноменологических теорий. Если ранее феноменологов опыт «чужого» интересовал как такой опыт, который удостоверяет существование Другого, то для Вальденфельса опыт «чужого» имеет самостоятельную ценность, поскольку в этом опыте феномен «чужое» являет себя

как «чужое». Можно сказать, что Вальденфельс разрабатывает аксиологию «чужого».

Феномен «чужое» Вальденфельс определяет как гиперфеномен, поскольку «чужое» показывает себя только тогда, когда уклоняется от схватывания, т.е. всегда находится «где-то в другом месте». Иначе говоря, феномен «чужое» проявляет себя как внепорядковое, как «непреодолимое отсутствие». Такой особый феномен требует особого вида рациональности и на это, как считает Вальденфельс, есть свои причины. Опыт «чужого» в терминах интенциональности — это всегда превращенный опыт «собственного», поскольку он опирается на отношение «собственное»-«чужое». Поэтому для теории опыта «чужого» нужна другая структура отношения и эта структура не «собственное»-«чужое», а «притязание»-«ответ», которой соответствует свой вид рациональности — респонзивность.

Содержанием респонзивного опыта «чужого» становится событие «ответа». Событие «ответа» предполагает смену смыслового порядка, поскольку столкновение с «чужим» как «внепорядковым» требует «внепорядкового» «ответа». Если «ответ» не состоялся как событие, то не состоялся и опыт «чужого», поскольку порядок «собственного» был не затронут, «чужое» притязание не принято, не замечено, отклонено. При этом событие «ответа» имеет свой порядок сбывания исходя из пространственно-временных расположений феномена «чужое» — «когда-нибудь» и где-то там». Вальденфельс говорит о четырех пространственно-временных моментах порядка «ответа» — сингулярность, постфактум, неизбежность и асимметрия.

Библиографический список

1. Вальденфельс, Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии / Б.Вальденфельс; пер. с нем. О. Шпарага // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / науч. ред. А.А.Михайлов; отв. ред. Т.В.Щитцова. — Минск: Пропилеи, 1999.
2. Вальденфельс, Б. Своя и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б.Вальденфельс; пер. с нем. О. Кубановой // Логос. Философско-литературный журнал. — 1995. — № 6.
3. Возможности феноменологии сегодня (фрагмент круглого стола с участием Б.Вальденфельса) / пер. с нем. С.Логвинова // Вальденфельс, Б. Мотив чужого: сб. пер. с нем. / науч. ред. А.А.Михайлов; отв. ред. Т.В.Щитцова. — Минск: Пропилеи, 1999.
4. О книге Юлии Кристевой см.: Костикова, А. Что значит «быть “другим”». Julia Kristeva. Etrangers a nous-memes. P.: Fayard, 1988. — P. 294 / А.Костикова // Логос. — 1999. — №3(13). — С. 227–229.
5. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П.Сартр; пер. с франц., предисл., примеч. В.И.Колядко. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; Республика, 2002.

I.V. Pakholova

**THE EXPERIENCE OF «DAS FREMDE» IN B.WALDENFELS'S
RESPONSIVE PHENOMENOLOGY**

In the article the concept of experience of «das fremde» in responsive phenomenology by B.Waldenfels is considered. In phenomenology it is possible to allocate some significant description the experience of «das fremde» (E.Gusserl, J.-P.Sartr, E.Levinas) among which Waldenfels's concept takes a special place. The subject of Waldenfels's interest is not existence of Another, that is characteristic for the previous phenomenological tradition, but a phenomenon «das fremde».

Статья принята в печать в окончательном варианте 14. 01.08 г.